

БЫЗОВ Л. Г.

УКРАИНСКИЙ КРИЗИС В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ, ФОРМИРУЮЩИХ МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ РОССИЯН

Бызов Леонтий Георгиевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН. Россия, Москва, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5.

E-mail: Leontiy13@mail.ru

Тел.: +7 (916) 963 60 50

Аннотация. Статья основывается на материалах исследования, проведённого Институтом социологии РАН в октябре-ноябре 2014 г¹. В ней содержится попытка проанализировать состояние массового сознания россиян, сформировавшегося в 2014 г. под воздействием событий в Крыму и на Украине, и получившего неофициальное название «Крымской аномалии». Как показывается в статье, в массовом сознании произошла актуализация пластов архетипического сознания, отражающих «должное» место России в мире и взаимоотношения между обществом и властью. Большинство россиян консолидировалось вокруг действий властей, как это обычно бывает в периоды мобилизации, однако, в данном случае эта мобилизация произошла на фоне глубокого ценностного раскола, массовой радикализации под влиянием радикальных политических и идеологических флангов, на фоне немобилизационных актуальных, а не архетипических, ценностей и установок. Поэтому, как полагает автор, «крымская аномалия» приведёт к формированию новой «повестки дня для России».

Ключевые слова: ценности, установки, архетипический пласт сознания, мобилизация, внутренний и внешний враг, автостереотип, крымская аномалия, европейский выбор, Евразия.

«Крымская аномалия»

Как показали результаты последнего исследования ИС РАН «Российское общество в контексте новых реалий», и как это видно из других данных, приводимыми различными службами изучения общественного мнения, взаимоотношения общества и власти в России переживают явно необычное, аномальное состояние. Его можно охарактеризовать как мобилизация общества вокруг власти, когда различные и часто справедливые претензии, связанные с внутрен-

¹ Исследование выполнено в Институте социологии Российской академии наук за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 14–28–00218).

ними проблемами, отходят на второй план, а на первый выходит внешняя угроза, неважно реальная или мнимая. Мобилизация изменила, пока неизвестно надолго или нет, ранее наблюдавшийся долгосрочный тренд, связанный с постепенным снижением уровня поддержки власти в результате моральной усталости общества и элит и нарастанием нерешаемых внутренних проблем страны.

Количественная социология, массовые опросы общественного мнения вплоть до весны 2014 г. с большим трудом фиксировали происходящие перемены, которые очень мало отражались в конкретных цифрах и данных опросов. Глядя на них, было трудно предположить, что в стране произойдёт что-то важное, необычное; скорее наоборот, они свидетельствовали о политической и общественной «спячке». Всё свидетельствовало в пользу того, что в стране продолжают сохраняться долгосрочные тренды, многократно зафиксированные социологами в минувшие 5–10 лет.

В то же время появилось сразу несколько важных факторов, способствующих переводу общества в новое социально-политическое состояние. Это смена поколений, приход в политическую жизнь нового поколения молодёжи, активное формирование т. н. «креативного класса» — верхушки среднего класса, способного обойтись без поддержки государства и психологически независимого от него. Это моральная усталость от политического застоя, мельтешения одних и тех же лиц, произносящих одни и те же слова. В силу безальтернативности власти, эти тренды не приводили к значительному количественному снижению показателей доверия к президенту страны и основным государственным институтам, но качество этой поддержки существенно снижалось, всё больше становилось тех опрошенных, кто выражал критическое отношение к власти и готов был ей оказать электоральную поддержку лишь в силу отсутствия приемлемой альтернативы. В 2014 году ситуация радикально изменилась — уровень доверия к Президенту РФ (не персонально к В. Путину, а именно Президенту) вырос с 59 до 78%; менее значительный, но всё же отчётливый рост коснулся и других институтов власти — Правительства РФ (с 43 до 55%), руководителей регионов и губернаторского корпуса (с 43 до 48%), Государственной Думы (с 29 до 32%), Совета Федерации — с 31 до 34%. Как видно из приведённых данных, произошедшая мобилизация носит отчётливо персоналистский характер. Очевидно, что рост рейтинга других институтов носит скорее характер отражённого света, поскольку они так или иначе тоже встроены в вертикаль власти, которая на самом веру замыкается Владимиром Путиным. Мобилизация вокруг В. Путина привела не только к росту количественных показателей его рейтинга, но и к росту доли тех, кто его поддерживает безусловно: за полгода эта цифра выросла больше чем вдвое — с примерно 25 до 57%. Думская оппозиция давно уже во многом выполняет роль спойлеров власти, договариваясь с ней по большей части важных вопросов, а уличная, более радикальная оппозиция отпугивает неготовых к революционным потрясениям россиян своим радикализмом и маргинальным стилем поведения. Аналогичные тенденции — постепенного снижения уровня доверия к власти как основного тренда, и «крымской аномалии» — отмечали и другие исследователи общественного мнения, в частности, Л. Гудков. «Уровень доверия

к власти с некоторыми колебаниями, вызванными предвыборными «накачками», устойчиво снижалось вплоть до марта 2014 года. В этот период в обществе накапливалось огромное раздражение властью, шёл устойчивый, казалось бы, необратимый процесс её делегитимизации. После присоединения Крыма все социологические показатели резко устремились вверх...» [Цит. по: Мозжухин, 2014].

Сделаем некоторые обобщения. По четырём вопросам (степень доверия к президенту В. Путину, выбор между властью и оппозицией, готовность поддержать власть, оценка правильности того пути, по которому идёт нынешняя Россия), нами был составлен суммарный показатель, отражающий среднюю долю анти-властных, протестных настроений в различных группах российского общества (см. таблицу 1).

Таблица 1

Индекс социальных настроений среди представителей различных возрастных групп

Возрастная группа	Доля протестности (в %)
До 25 лет	24,8
До 30 лет	26,0
До 35 лет	23,0
До 40 лет	25,4
до 45 лет	23,5
До 50 лет	21,6
До 60 лет	20,9
Свыше 80 лет	17,9

Несмотря на то, что получившееся распределение носит не слишком выраженный характер, так как уровень недовольства властью определяется не столько возрастными характеристиками, сколько более тонкими, связанными с системой ценностей, видно, что наибольшее недовольство характерно для молодой части россиян, особенно в интервале 26–30 лет, а в группах старше 45 и особенно 50 лет происходит значительное снижение доли недовольных. Также отчётливо видно, что недовольство властью значительно более сильно проявляется в крупных городах, особенно с численностью населения от 500 тыс. до миллиона жителей – до 37%, что даже превышает показатели традиционных источников протестной активности – мегаполисы (26%). И, наконец, что представляется наиболее важным. Недовольство властью сегодня сконцентрировалось в достаточно локальной группе «русских западников», сторонников европейского выбора, хотя эта группа невелика по объёму. Её ядро – те, кто готов поддержать на выборах партию европейского выбора – составляет не более 3%, а периферия, частично разделяющая европейские ценности – ещё 10–15%. Значительно снизилось

на «крымской волне» недовольство властями со стороны русских националистов — почти вдвое, хотя оно и остаётся относительно высоким. Очевидно, что больше половины националистов, ещё накануне «крымской эпопеи» относившиеся резко критично к российским властям, примкнули к мобилизованному властями большинству (что и показал «Русский марш» в ноябре прошлого года).

Таблица 2

Каким общественно-политическим силам Вы больше всего симпатизируете?, %

Общественно-политические силы	Среди всех опрошенных	Среди тех, кто недоволен властью
Социалистам, сторонникам сильного и социально ориентированного государства	16	18
Сторонникам сочетания сильного государства и рыночной экономики	19	14
Русским националистам, выступающим против наплыва в Россию приезжих из других стран и регионов	6	31
Сторонникам возрождения страны как великой державы на основе её исторических и духовных традиций	19	15
Тем, кто выступает за сближение с Европой, с Западом, за имеющуюся в западных странах демократическую и экономическую систему	3	60
Никаким силам не симпатизируют	23	26
Затруднились ответить	16	29

Таким образом, история с присоединением Крыма создаёт атмосферу внешней угрозы исходящей от США и Запада в целом. Внимание недовольных переключается с внутренних проблем на внешние, защитить от которых может только власть. Почти до нуля падает протестность в левом секторе, среди бедных слоёв общества, вдвое снижается протестность среди националистов, половина которых перешла к поддержке власти, протест локализуется в крайне ограниченном сегменте «русских западников».

В этой связи возникает закономерный вопрос: каково качество «путинского большинства», сформировавшегося вокруг внешнеполитического вектора власти? По мнению известного политолога К. Рогова, «сторонники «нереальности» пресловутой цифры в 85% поддержки Путину апеллируют к двум политологическим и социологическим гипотезам — эффекту «сверхбольшинства» и эффекту «спирали молчания» Элизабет Ноэль-Нойман. В результате средний избиратель, не имеющий чётких политических представлений (что нормально), вынужден присоединяться не столько даже к точке зрения телевизора, сколько к мнению большинства людей, которые, как он знает, думают примерно так, как говорят в телевизоре. Гипотеза «спирали молчания» описывает несколько иной эффект и социологические реакции другого уровня. В центре её — предположение о страхе изоляции, страхе человека оказаться вне общности, в которой он живёт. Эффект

«сверхбольшинства» увеличивает число тех, кто говорит «да», т. е. поддерживает режим. В то время как «спираль молчания» сокращает число тех, кто говорит «нет» [Рогов, 2014].

Некоторые «социо-скептики» выдвигают для объяснения «крымской аномалии» более простое объяснение — опрашиваемые в условиях частичной мобилизации просто боятся говорить своё истинное мнение и дают неправдивые общественно одобряемые ответы. Мы же склонны предположить, что в массовом сознании произошла реанимация архетипического массового сознания, проявляющаяся в ценностях укрепления державы, антизападничества, русского мира. Настроение общества в целом стало носить более радикальный характер, чем официальная политика власти. Общественному мейнстриму резко противостоит группа либералов-западников, ориентированных на европейский тип развития, ценности демократии и свободного рынка. Голоса же центристов практически не слышны, информационная среда в стране глубоко поляризована. Однако всё это лишь видимая, надводная часть развития событий. Не раз приходилось фиксировать внимание на том обстоятельстве, что консерватизм современных россиян в значительной степени носит показной, декларативный характер и слабо подтверждается их образом жизни, поведенческими установками, готовностью к мобилизации и другими важными ценностно-мотивационными атрибутами. На практике мы наблюдаем атомизированное посттрадиционное общество, живущее в соответствии с индивидуальными стратегиями выживания и ориентированное на ценности массового потребления, с во многом разрушенными семейными традициями, низким уровнем солидаризма и самоорганизации. Это тот случай, когда матрица общественного автостереотипа, представлений общества и нации о самих себе резко противоречит объективным оценкам состояния общественной морали и правосознания. Однако сфера политического выбора, формирования массового сознания в государственно-политической сфере во многом относится также к сфере «идеального», декларативного и как результат — на практике в большей степени воспроизводит архетипические пласты сознания, чем реальные интересы и мотивации.

Произошли ли сдвиги в ценностных ориентациях россиян?

Даже невооружённым социологическими методиками взглядом отчётливо видно, насколько изменилась психологическая атмосфера в обществе за последние два-три года. За этими переменами не может не стоять эволюция системы ценностей, определяющих отношение

россиян к происходящим в стране событиям. Если общая тенденция к формированию консервативного большинства возникла ещё в самом конце 1990-х годов и лишь набирала силы, то в последние годы на этот естественный процесс наложилась ценностная переконфигурация, наметившая глубокую ценностную поляризацию за счёт распада политического центра и усиления влияния флангов, в частности радикально-консервативной идеологии, так отчётливо проявившей себя в ходе украинского кризиса. Более десяти последних лет отслеживая процесс ценностной эволюции российского общества, среди прочих тенденций, ещё в 2001–02 гг. мы выделили феномен неоконсервативной волны [Бызов, 2002; 2014], тогда ещё многими не признававшийся магистральным. Сегодня разговоры о «консервативном большинстве» ведутся и политиками, и экспертами как о доминирующем в обществе тренде. Но при этом – если в начале «нулевых» феномен неоконсервативной волны связывался с ценностной унификацией, преодолением идеологического раскола, формированием ценностного синтеза, то сегодня, спустя десятилетие, противопоставление «консервативного большинства» «либеральному меньшинству», «оживляет призраки» времён жесткого ценностного раскола, поляризации, характерные для предшествующей политической эпохи – первой половины 1990-х годов. Многочисленные эксперты уже давно называли В. Путина лидером новых консерваторов и в своём Послании Федеральному Собранию президент это сам обозначил: «Владимир Путин решительно выступил в защиту консервативных ценностей, благодаря которым Россия сможет противостоять идущему с Запада размыванию норм морали и «хаотической тьме средневековья» [Послание президента..., 2013]. Среди части интеллектуальной элиты страны всё сильнее укрепляется мнение, что опорой нынешней власти является консервативная периферия российского общества, численно в разы превосходящая его либеральное городское ядро. На основании данных исследования как минимум до двух третей россиян (65–70%) вполне могут быть отнесены к устойчивому консервативному большинству. Относительно немногочисленные либералы с их установками на модернизационное развитие по образцу Запада в этих условиях обречены на бессильные протесты, внутреннюю и внешнюю эмиграцию. Тренд неоконсерватизма, по замыслу тех, кто пытается найти в нём новую российскую идеологию, основывается на семейных, традиционных ценностях, государственничестве, патриотизме, державности, тяге к порядку и стабильности. В этот тренд прекрасно вписались и события на Украине в начале марта 2014 г., когда и В. Путин, и большая часть близких к Кремлю элит почувствовали вкус «собирателей русского мира». В то же время исследования говорят о том, что в целом значительного количественного роста самого консервативного большинства в последнее время не произошло, скорее – поменялся «градус» его настроений, став более разогретым и радикальным.

Так, утверждение, что Россия должна быть великой державой, разделяется 2/3 опрошенных, т. е. примерно столько же, сколько в 2012 и 2013 гг. Среди опрошенных старше 60 лет таких 73%, среди молодёжи до 30 лет – 63%. Как это следует

из результатов ряда более ранних исследований ИС РАН, в частности проекта «Русская мечта» 2012 г., именно ориентация на Россию как державу является важной составной частью социокультурного кода, выработанного обществом в ходе становления и развития нации. Это традиционное представление о роли российского государства, в последнее время всё более оспариваемое «новорусскими» группами, особенно молодыми русскими националистами, сторонниками создания национального русского государства европейского типа. Всего великодержавную позицию разделяют 66% опрошенных россиян, среди консерваторов, как радикальных, так и умеренных, эта цифра достигает отметки в 73%, а в либеральных сегментах общества ограничена уровнем в 52%. Достаточно стабильной при общем направлении к снижению в период 1998–2014 гг. является установка на то, что Россия должна жить по тем же правилам, что и современные западные страны (чуть больше четверти). Сегодня с этим соглашаются 32% молодых россиян и всего 18% старше 60 лет. Антизападничество сегодня является также важной составной частью социокультурного кода сегодняшнего консервативного большинства. Украинский кризис показал, что это большинство охотно солидаризовалось с представлениями о том, что «никаких международных законов не существует», всё решает сила, интересы, чувство справедливости, как в случае присоединения Крыма, и справедливость важнее законов и международных соглашений. Необходимость в стране «жесткой руки», которая наведёт порядок, даже в ущерб свободам и политической демократии, находит поддержку 70% опрошенных, на 7% больше, чем два года назад. Однако эта позиция не является консенсусной, так как с ней согласны лишь около 35% представителей либерального, «новорусского» сегмента общества. Зато мечту о твёрдой руке поддерживают 89% консерваторов.

Данные последних исследований при всей видимой яркой поляризации общества всё же позволяют говорить, что реальное идеологическое соперничество безусловно происходит между двумя полюсами – консерваторами и либералами, но в рамках этих сегментов есть свои идейно-политические оттенки. Это лево-консервативная идея, связанная с укреплением национальной государственности и восстановлением базовых принципов социальной справедливости. Это лево-либеральная (социал-демократическая) идея, делающая акцент на тех же идеях социальной справедливости в пакете с общедемократическими свободами, европейскими политическими ценностями, экономической и социальной модернизацией. И, наконец, это либерально-консервативная идеология, во многом совпадающая с основным вектором политического курса, связываемого с эпохой «нулевых», и которая как бы потерялась сегодня, в условиях цен-

ностного противостояния флангов. Безусловно, в последние годы произошла реанимация многих архетипов, входящих в социокультурный код российской нации. Однако эти архетипы далеко не всегда затрагивают мотивационный блок массового сознания. Те, кто сегодня пытается в качестве «нового путинского большинства» предложить консерваторов-традиционалистов, не учитывают качество этого самого «традиционализма», существующего подчас лишь как элемент автостереотипа наряду с представлениями о соборности, коллективизме, духовности и прочих атрибутах русского самосознания.

Подтверждает сделанные выводы и таблица ответов на вопрос о том, какие идеи и лозунги в наибольшей степени выражают представления опрошенных о желаемом будущем России (см. таблицу 3). В отличие от вышеприведённой таблицы, вопрос предполагал возможность выбора до трёх вариантов ответа. Лидирующие позиции и в этом случае занимают базовые ценности консервативного большинства – социальная справедливость (47%), национальные традиции, моральные и религиозные ценности (35%), а также ценности великой державы, империи (32%). Ценности из либерального сегмента – свободный рынок и сближение с Западом – находятся на отметке в 10–11%.

Таблица 3

Предпочтительные идеи и лозунги, отражающие представления россиян о желаемом будущем России, % среди опрошенных, октябрь 2014 г.

Варианты ответа	Среди всех опрошенных
Права человека, демократия, свобода самовыражения личности	27
Сильная жёсткая власть, способная обеспечить порядок	26
Возвращение к национальным традициям, моральным и религиозным ценностям, проверенным временем	35
Сближение с Западом, с современными развитыми странами, вхождение в «общеевропейский дом»	11
Свободный рынок, частная собственность, минимум вмешательства государства в экономику	13
Социальная справедливость	47
Россия в первую очередь для русских, создание русского национального государства	10
Россия должна снова стать великой державой, империей, объединяющей разные народы	32
Ни один из этих лозунгов не выражает мою личную мечту о будущем России	9

Когда «ценности» трансформируются в идеологии, требующие более жёсткого выбора, складывается такая политическая «бухгалтерия»: 35% опрошенных поддерживают идеи консервативного большинства, 16% из них делают акцент на социальной справедливости, 19% на традициях и могуществе державы («левый и правый уклоны»). Ещё 19% занимают промежуточную позицию между

консервативными и либеральными ценностями, выступая за сочетание идеи сильного государства и рыночной экономики. И, наконец, лишь 3–5% составляет поддержка партии «европейского выбора», последний показатель сократился с 10–11% в 2008 и 2010 гг. до цифры, которая уже не позволяет данной гипотетической партии даже пробиться в Государственную Думу. Ещё 5% составляют политически убежденные националисты, место которых в рамках противостояния «консерваторы – либералы» остаётся не до конца выраженным, хотя события 2014 г. и подтолкнули данную группу в сторону консерваторов-державников и консервативного большинства в целом. Таким образом, можно отметить умеренную консолидацию и рост сторонников консервативных ценностей и одновременное сокращение числа сторонников либеральных перемен. Всё это позволяет сделать вывод о том, что вспышка либерально ориентированной активности 2011–12 гг. осталась позади или не получила своего дальнейшего развития. Этот тренд не должен вызывать удивления, поскольку скорее всего является реакцией массового сознания на тональность СМИ, последние полтора года всё чаще апеллирующих к традиции, консерватизму, патриотизму и чаще всего резко негативно отражающих мнения либеральной части общества. Вопросом является скорее другое – насколько этот тренд отражает более глубинные черты общества, чем парадные пласты массового сознания.

Другим важным индикатором системы ценностей и установок является вопрос, связанный с тем, какие идеи и лозунги россияне готовы поддержать на выборах, в случае если их выдвинет одна из политических партий. Респондентам предлагалось выбрать до трёх вариантов предложенных закрытий вопроса. Несколько более низкие цифры ответов за 2014 г. связаны с большим числом тех, кто не смог или отказался отвечать на поставленный вопрос. Наиболее значительный рост поддержки получили такие лозунги как «возвращение к традициям» (+6%), «Россия для русских» (+4%), «Социальная справедливость» (+5%), а снижение на 7% зафиксировано в отношении лозунга «Права человека, демократия». Это сравнительно незначительная динамика, которая лишь подтверждает сделанный ранее вывод о небольшой консолидации в обществе консервативных, антилиберальных ценностей и установок. Причём этот тренд, согласно результатам исследования, скорее направлен в сторону лево-националистической части политического спектра. В то же время, наиболее популярными лозунгами как были, так и остаются – сильное государство, заботящееся о своих гражданах, социальная справедливость, сильная жёсткая власть, возвращение к традициям, проверенным временам, а также права человека, демократия.

Возвращаясь к высказанной выше гипотезе о глубоком противоречии между пластами архетипического и бытового массового сознания, приведём некоторые данные, ярко демонстрирующие соотношение между консервативными «парадными» ценностями, идущими от архетипического социокультурного кода, и теми коррективами, которые внесло в них время — эпоха частной жизни и личных интересов. Несмотря на «консервативный поворот», как и 13 лет назад, 67% опрошенных не готовы жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей и 56% полагают, что личные интересы — это главное для человека. Приводимое ниже распределение результатов исследования 2014 г. в разрезе возрастных групп, как это и можно было предположить, показывает, что ценность частной жизни и личных интересов в большей степени (на 8–10%) характерна для молодой части опрошенных россиян (см. таблицу 4).

Таблица 4

Динамика ценностных представлений россиян, % среди всех опрошенных

Суждения	2001	2014
Ради высоких, общезначимых целей можно пожертвовать личным благополучием	34	32
Не готовы жертвовать личным благополучием даже ради важных общезначимых целей	63	67
Суждения	2009	2014
Людам следует ограничивать свои личные интересы во имя интересов страны и общества	45	43
Личные интересы – это главное для человека	54	56

Не случайно Л. Гудков утверждает: «...мне кажется, ни о либеральных, ни о консервативных ценностях в России не приходится говорить всерьёз. Есть настроения и реакция на действия власти. В нашей стране, в отличие от других стран, общество как тип социальной организации чрезвычайно слабо. Общество не идеологизировано. Именно поэтому я не стал бы говорить ни о консервативных настроениях, ни о либеральных. Они характерны для маргинальных групп, небольших по численности» [цит. по: Делюкина, 2015]. Ту же точку зрения излагает В. Петухов: «Деление общества на консервативное большинство, причём обязательно инертное и лояльное, и меньшинство активное, либеральное, оппозиционное, — ...выдумка. Эмпирически это никак не подтверждается — хотя бы на том основании, что либеральный сегмент (если мы даже его признаем таковым) и консервативный — оба они меньшинства, причём меньшинства не очень значительные. А большинство — это огромная, неструктурированная масса населения, около 60%, которая вообще не имеет никаких идеологических, политических предпочтений. Если уж её характеризовать, то это скорее консьюмеристское большинство, ориентированное на потребительские, жизненные стратегии, которых по большому счёту вообще не интересуется что-либо, выходящее за рамки их интересов и интересов их ближнего круга».

«Крым — наш» и евразийский выбор

События вокруг Украины до предела обострили ситуацию в стране. Тем не менее, нынешний вектор внешнеполитических приоритетов россиян складывался не последние полгода, а все 15 лет «путинского» периода в истории страны, когда сформировались основные тренды, фиксируемые социологами сегодня. Среди этих трендов:

1. Общее разочарование в «Западе» как собирательном образе западной цивилизации и негативная оценка его влияния на Россию и перспективы её развития.

2. Повышенное внимание к российской, русской идентичности, т. н. «русскому миру», в который, как показывают социологические исследования, общественное мнение включает некоторые регионы, лежащие за пределами территории РФ, и, напротив, исключает ряд территорий в пределах РФ (например, часто включало Крым или Приднестровье, но столь же часто не включало Северный Кавказ).

3. Глубокий раскол общественного мнения в отношении «Запад — Россия», в рамках которого убеждённые сторонники «Запада» практически исчерпываются частью т. н. «либерального меньшинства».

4. При этом на бытовом, житейском уровне россияне относятся к Западу, особенно к Европе, значительно лучше, чем на словах — охотно посещают страны Запада, состоятельная часть общества держит там свои сбережения, покупает недвижимость, обучает детей и т. д.

5. Всё более негативное отношение к военным организациям, представляющим Запад, в первую очередь, к НАТО.

6. Весьма противоречивое отношение к странам бывшего СССР — растущая неприязнь к мигрантам, усиление позиций русских националистов, требующих ограничить трудовую миграцию, и позитивная оценка Евразийского и Таможенного союзов, ориентированных как раз на экономическое объединение постсоветского пространства.

7. Сложное отношение к Китаю, на который надеются как на союзника и одновременно опасаются.

8. И, наконец, всё более драматическое развитие ситуации с Украиной, негативное отношение к которой (как к политико-государственному субъекту), несмотря на отдельные колебания, всё это время продолжало и дальше ухудшаться.

События на Украине отчасти подтвердили преемственность всех этих трендов, но, безусловно, добавили новых «красок» в палитру общественной жизни России.

Сегодня, когда схлынула волна первой эйфории («Крым — наш!»), далеко не всё получилось так, как многими ожидалось, всё чаще стали звучать голоса тревоги и сомнений. Так даже в кругах русских националистов, сочувствующих расширению влияния России, сильны опасения о негативных факторах во внешнеполитическом векторе страны. «Плохая новость заключается в том, что нас настиг фатум «крымской войны» — ролевая игра «все против России», в которой мы оказываемся столь же внезапно и неожиданно для себя, как и в середине позапрошлого века. Всё, что делает Москва с момента начала операции «Остров Крым», она делает в целом правильно и местами даже блестяще. Но сам факт того, что мы вынуждены на это идти, — следствие провала целого направления российской внешней политики на протяжении минувших 20 с лишним лет», — пишет русский националист, философ Михаил Ремизов [Ремизов, 2014]. Политические элиты страны раскололись на «партию войны» и «партию мира», хотя эти противоречия пока ещё и не приняли публичного характера. Уже в августе 2014 г. известный специалист по Ближнему Зарубежью Модест Колеров утверждал, что «политика России по отношению к Украине провалилась. Россия так долго закрывала глаза на строительство режима этнократии всеми без исключения властями в Киеве, что в итоге Украина превратилась в агрессивную страну, которая, пользуясь поддержкой Запада, угрожает нашей безопасности. Так что Украина — это жесточайшее поражение России уже сейчас. Вне зависимости от перспектив героического сопротивления Донецка и Луганска и чуда возвращения Крыма».

Вся эта сложность резко контрастирует с тем видимым общественным единомыслием, которое установилось в России после февраля 2014 г. Это касается и общественного мнения (более 85% поддерживали и продолжают поддерживать политику В. Путина), и политических элит (единогласные голосования в Совете Федерации и один голос воздержавшегося в Государственной Думе при голосовании «по Крыму»). Власть, которая до этого всё чаще воспринималась как коррумпированная, эгоистическая, некомпетентная, повела себя в соответствии с традиционными архетипами «супердержавы»: вернула Крым, продемонстрировала всему миру свой неуступчивый характер, резко повысив тем самым свой символический статус в глазах россиян: эффектом пропаганды телевидения, но и не только, стало практически исчезновение различий в поддержке власти среди разных социальных групп. Это связано опять-таки с традиционной готовностью общества объединиться, забыть внутренние разногласия в период активизации «внешней угрозы». При этом даже если волна патриотических переживаний и крымской эйфории может спастись в ближайшие месяцы, то последствия этой политики будут ощущаться на протяжении десятилетий — как и последствия чеченской войны. Директор

Левада-центра трактует этот процесс как пережиток советской идеологии: «В более серьёзном и долговременном плане мы имеем дело с незавершённым процессом краха советской системы и неспособностью переработать и преодолеть советское тоталитарное прошлое» [Гудков, 2014], – отметил Л. Гудков. Однако, как мы полагаем, не вполне серьёзно ссылаться на одно лишь советское прошлое, так как подобные настроения встречались на протяжении всей русской истории, а так называемое «оборонное сознание» впитало в себя народную мудрость, выработанную на протяжении не одного столетия. Как в связи с этим отмечают И. Задорин и Д. Коноваленко, «прежде всего следует сказать, что сегодняшнее российское общество, на наш взгляд, продолжает по инерции сохранять ряд привычек прошлых лет, и этой инерционностью общественного сознания можно объяснить некоторые особенности восприятия россиянами внешнего мира и внешней политики. Сегодня, как и 10–15 лет назад россияне сохраняют и повышенный интерес к важнейшим событиям зарубежной жизни, и сравнительно высокий уровень информированности о них. Как правило, респонденту оказывается гораздо проще высказаться по поводу очередной зарубежной поездки Президента РФ, нежели оценить, например, целесообразность введения нового Трудового Кодекса (хотя последний в гораздо большей степени затрагивает интересы респондента» [Задорин, Коноваленко, 2002].

Конечно, российская правящая элита, обладая фактической монополией на телевидение, может формировать общественное мнение практически по любому вопросу. Общество, в свою очередь, в выражении собственной позиции балансирует между безразличием и разными типами радикализма. В любой момент власть может отказаться от компромиссов – и получить поддержку общества. Однако всё списывать на одни лишь политтехнологии было бы тоже несправедливым. «Посткрымская» картинка наложилась на целый комплекс архетипов, установок, фобий, которые в совокупности и образуют нечто, что можно охарактеризовать как социокультурный код нации или архетипический пласт его сознания. Внешнеполитическая повестка дня затмила собой в 2014 г. внутривнутриполитическую, включая социально-экономическую проблематику, и стала определяющим фактором для формирования общественных настроений. Достаточно отметить в этой связи то, что 79% россиян поддерживают экономические санкции против Запада, введённые российским правительством, а также возможные ограничения на выезд за рубеж – по принципу «на войне как на войне». А ведь ещё совсем недавно население страны было крайне чувствительным к любому ущемлению их непосредственных интересов, в отличие от интересов политических и общегражданских.

Синдром «крымской мобилизации» оказался намного сильнее во многом потому, что разбудил в россиянах частично спавшие до нынешнего момента, но, как оказалось, всегда готовые проснуться, выработанные историей страхи, мифы, архетипы (восприятие и оценки самих себя, других народов и стран, образы «внутреннего» и «внешнего» врага) [Бызов, 2013]. Напомним в этой связи некоторые результаты проекта «Русская мечта», проведённого ИС РАН два с лишним года назад. «...К цивилизационным характеристикам русской мечты, которые в значительной степени коррелируют с тем, что мы определили как социокультурный код, эксперты относят:

- православие;
- сильную централизованную власть;
- имперскую внешнюю политику;
- духовность в противовес меркантильности».

Все эти четыре важнейших пункта, выделенных экспертами, являются своего рода культурологическими штампами, содержание которых, особенно в настоящее время, представляется далеко не столь очевидным. Если эти ценности более или менее точно отражали цивилизационные доминанты исторической России, Российской империи, то остается открытым вопрос о том, в какой степени эти доминанты работают в России сегодняшней. Тем более, что, как показали результаты опроса населения, эти ценности воспроизводятся консервативным большинством в качестве «парадных», но «по жизни» носители этих ценностей далеко не всегда готовы им следовать». Особенно сильно проявляется следование «державному» архетипу о представлениях места России в мире среди россиян старшего поколения, однако данные исследования не позволяют говорить о пропасти, разделяющей россиян по возрастным группам.

В этой связи более показательна таблица 5, которая демонстрирует различия в отношениях к государственному статусу России со стороны представителей противостоящих друг другу носителей системы ценностей. Наиболее активными сторонниками «державности» выступают представители консервативного большинства – как левой так и правой направленности – 38% и 32%, соответственно. Это почти в три раза превышает уровень поддержки «державничества» среди группы либералов-западников (13%). Что же касается группы русских этнических националистов, то они занимают промежуточную позицию между консерваторами и либералами, но всё же их позиция ближе к консерваторам-державникам (26%). Таким образом, события 2014 г. раскололи националистов, и ранее активная их часть, ориентированная на евро-национализм, небольшое этнически однородное государство – на сегодняшний день оказалась скорее в меньшинстве. А признанные лидеры «новых националистов», такие как К. Крылов, В. Соловей, А. Демушкин – выступили с поддержкой планов собирания «русского мира» и проекта «Новороссия».

Таблица 5

**Представления различных групп населения о том,
к каким целям должна стремиться Россия в XXI веке, % среди опрошенных**

Варианты ответа	Среди всех опрошенных	Левые консерваторы	Правые консерваторы	Националисты	Либералы-западники
Вернуть статус супердержавы, какой был в СССР	26	38	32	26	13
Быть одной из наиболее экономически развитых и политически влиятельных стран мира	52	47	55	48	60
Быть лидером на постсоветском пространстве	9	8	7	14	4
России не следует стремиться к глобальным целям	4	3	4	4	11
Затрудняюсь ответить	9	5	2	8	11

Данные исследования хорошо демонстрируют также, насколько сильно различается отношение к курсу внешней политики, проводимой В. Путиным. Левая часть консервативного большинства, равно как и консерваторы-центристы полагают, что политика В. Путина в целом сбалансирована в отношении Запада и Востока (60 и 66% соответственно). В то же время национал-патриоты и в ещё большей степени националисты полагают, что лидер страны делает слишком много уступок в отношении Запада (40 и 63%, соответственно). И лишь небольшая группа либералов-западников скорее уверена в противоположном — В. Путин проводит излишне жёсткую политику в отношении Запада (44%). Это означает, что В. Путин, воспринимаемый общественным мнением за рубежом в качестве политического ястреба, с точки зрения большей части россиян является, напротив, скорее голубем мира. Консервативное большинство, пробуждённое к жизни Кремлём, теперь само формирует повестку дня, в том числе и внешнеполитическую. Также уверено консервативное большинство и в том, что основные угрозы России лежат в области агрессии со стороны стран Запада, а не внутри самой страны, в её зависимой от сырьевой конъюнктуры экономике, неэффективном управлении и всеобъемлющей коррупции. Так полагают 61% опрошенных против 18%, отстаивающих противоположную точку зрения. И в этом случае единственной группой, в которой преобладает мнение о приоритете внутренних угроз, являются либералы-западники (60%).

49% всех опрошенных готовы в случае необходимости воевать за Российскую Федерацию, если начнётся война — против 21% опрошенных, к этому неготовых. Наибольшее число готовых взять в руки оружие среди радикальной части русских националистов — 62%, меньше всего — 20% — среди либералов-западников. Но ещё интереснее в этой связи обратиться к главному политическому событию нынешнего года — одностороннему присоединению Крыма к РФ.

Опрос проводился осенью, когда самая громкая волна воодушевления по поводу «Крым — наш» начала понемногу спадать. Лишь 47% опрошенных россиян видели в воссоединении с Крымом только позитивные стороны, 5% — только негативные. Наиболее позитивное отношение к «Крым — наш» — у русских националистов — 58%, наименее позитивное — у либералов (22%) при том, что чуть больше — 25% либералов — видели в этом событии исключительно негативные стороны (см. таблицу 6).

Таблица 6

Отношение россиян к присоединению Крыма, % среди опрошенных

Сторонники различных направлений	Позитивные последствия	И позитив, и негатив	Негативные последствия	Затруднились ответить
Левые консерваторы	54	18	2	25
Правые консерваторы	49	18	9	24
Консерваторы-центристы	54	19	2	25
Националисты	58	12	2	27
Либералы	22	34	25	18

Если консервативное большинство в целом скорее позитивно восприняло режим санкций, в том числе и встречный запрет РФ на ввоз западного продовольствия (около 25% видят в этом только позитивные последствия и еще 25–30% — как позитивные, так и негативные), то отношение к российским санкциям либералов носит негативный характер (53% видят только негативные последствия). Довольно лёгкое, спокойное отношение россиян к экономическим санкциям заслуживает отдельного анализа. С одной стороны, это проявление инфантилизма («пусть об этом думает власть»), с другой — некоторая переоценка роли и экономической мощи России. Согласно результатам опроса того же Левада-центра, менее 10% опрошенных в начале марта 2014 г. были очень обеспокоены возможной международной изоляцией России, столько же — политическими и экономическими санкциями против нашей страны, всего 4% — прекращением поставок в Россию товаров и продуктов с Запада, 6% — возникновением препятствий к поездкам на Запад. Сами же санкции вызывали смешанные чувства возмущения (35%) и недоумения (27%), а их введение — проявлением враждебного отношения к России, стремлением воспользоваться моментом (58%). Правда, в тот период введение жёстких санкций ещё представлялось не слишком вероятным и лишь после сбитога Боинга ситуация резко изменилась.

В 2014 г. было высказано немало суждений о природе ценностного тренда российского большинства, консолидировавшегося вокруг неоднозначной украинской политики. А. Муравьёв приводит в этой связи мнение И. Задорина: «В нашей беседе с социологом Игорем Задориным появилась модель, которая может прояснить кое-что. Картина выглядит так: большая масса народа на эмоционально-ценностном уровне не приняла передела СССР и постсоветской

фиксации границ (оставшись в позиции «мы с этим не согласны»). Однако эмпирическая реальность, в которой политики Беловежской пуши такие решения принимали, требует какого-то отношения к себе. И это отношение было взято из тезауруса нашей культуры — «игнорирование начальства». Решения начальства люди признали не как факт, а как жест. Фактически же ничего не изменилось: как были Крым и Донетчина в составе УССР номинально, так и остались. Конечно, паспорта, граница эта липовая, какие-то бумажки надо заполнять — но это нужно, чтобы «начальство отстало». Мы — по-прежнему единое государство, единое пространство, единая культурно-политическая полоса. И когда произошёл Майдан, а за ним националистическая реакция с отменой закона о региональных языках, люди поняли это так, что «на нас напали». И они стали отстаивать тот порядок вещей, к которому они привыкли: имитационные политические статусы. Игры начальства отдельно, а мы — отдельно. И вот таких людей и правда около 80%. Это не «рост путинского большинства», это солидаризация людей против нападения извне [Муравьёв, 2014].

Украинский кризис заставляет задуматься и о более глобальных вопросах, связанных с будущим местом России в цивилизационном контексте. За последние годы на фоне общего антизападнического тренда, общественное мнение всё сильнее стало склоняться в пользу не европейского, а евразийского выбора. Так в 2006 г. по данным ВЦИОМ примерно поровну раскалывалось общественное мнение при ответе на вопрос о взаимоотношении российской и европейской цивилизации. Поддерживаемая западниками точка зрения, согласно которой «Россия — часть Европы и в XXI веке их судьбы будут всё теснее переплетаться» находила поддержку у 38% россиян, а альтернативная, поддерживаемая «почвенниками», согласно которой «Россия не является в полной мере европейской страной и никогда не сможет стать частью Европы» — находит поддержку у 45% россиян. В 2013 г., согласно данным того же ВЦИОМ («Электоральная панель»), численность сторонников первой точки зрения сократилась до 19%, то есть вдвое, а второй — выросла до 67%. Перевес «почвеннических» настроений в обществе, наблюдаемый с конца 1990-х годов (бомбардировка Югославии) связан с реакцией общества на 80-е и 90-е годы, когда сдвиг России (а сначала СССР) своих позиций на международной арене не вызвала практически никаких встречных позитивных действий, и, напротив, привела к ужесточению требований к стране. Именно поэтому стало складываться мнение, что чего-либо позитивного добиться можно только с позиций силы, как военной, так и экономической. И сегодня 59% россиян склонны считать, что усиление России представляет угрозу для европейских стран, они полагают, что

Россия способна заставить их считаться с собственными интересами; 15%, напротив, продолжают считать, что европейские страны заинтересованы в подъёме и укреплении России и то, что «Россия начала подниматься с колен» не вызывает на Западе ни особых тревог, ни опасений. История любой страны часто бывает полна непредсказуемых парадоксов, которые, впрочем, потом находят для себя вполне логичные объяснения. Рывок к современной западной цивилизации, под знаком которого прошли 80-е и 90-е годы, обернулся всё сильнее набирающей ход «азиатчиной», проникающей и в наш быт, и в систему политических институтов, и в общий нравственный климат нашего общества. Сегодня новое консервативное большинство, которое часто политкорректно называют «евразийским», диктует в стране политическую моду, на него опирается власть, а «русские европейцы» — городское либерально ориентированное меньшинство, продолжающее связывать свои надежды с интеграцией в западную цивилизацию, рассматривается властью и общественным большинством как неблагонадежный класс, ведущий страну к размыванию собственных традиций и идентичностей. Миграционное наступление на коренные российские регионы выходцев из дальней и ближней Азии дополняется политикой на укрепление Евразийского Союза, нравы и обычаи восточных диаспор скорее сами превращаются в норму жизни, чем адаптируются к русской культуре и к русским традициям. Хотели на Запад? Так получите же Восток по полной программе. Налицо картина, вполне укладывающаяся в известную теорию С. Хантингтона о войне цивилизаций, и, если судить по её предварительным результатам, эту войну восточно-христианская русская цивилизация постепенно проигрывает азиатской, евразийской. По крайней мере, у многих мыслящих людей присутствуют подобные опасения. Эти процессы стали предметом интересной дискуссии в «Русском журнале», инициированной статьёй Александра Морозова «Дрейф в Евразию», и с большей частью её выводов трудно не согласиться [Морозов, 2013]. Но всё ли так просто и однозначно?

Представляется, что здесь имеют место две противоречащие друг другу и направленные в разные стороны социокультурные тенденции. То упрощение, вульгаризация социальных отношений, снижение массового уровня культуры, которые отчётливо проявляются в российском обществе последние 20 лет, некоторые связывают с наступлением традиционализма на отношения модерна и постмодерна, своего рода сползанием в средневековье. Однако более внимательный анализ показывает, что все эти процессы являются следствием распада государства и социальных структур, и, как следствие — примитивной самоорганизации социума. Но новый традиционализм так возникнуть не может, для него просто не существует социальной базы в виде общины, неформальной традиционной иерархии со своими символами и мифами. Традиционное общество, как это показано во множестве исследований, обладает огромной потенциальной энергетикой, высвобождающейся при его разложении, что мы и наблюдали — в первой половине XX века в России, когда коммунистическое общество строилось имен-

но руками вчерашних крестьян, переехавших в город, но во многом сохранивших ментальность и ценности традиционной общины. То же или почти то же самое мы сегодня наблюдаем в поведении диаспор, до поры до времени ведших тихую неприметную жизнь в своих «аулах», а сегодня, вырвавшись на «оперативный простор», превратившись в грозную, неуправляемую силу, с её высокой витальностью, готовностью подчинить свои интересы общим целям, национальным или религиозным, готовностью жертвовать жизнью ради этих целей. В то же время можно предположить с высокой долей вероятности, что через те же два-три поколения во многом аналогичная участь постигнет и выходцев из нынешних диаспор, хотя европейский опыт способен заставить скептически отнестись к этой перспективе. Они адаптируются – нет, не к русскому миру, связи с которым теряют или уже почти потеряли и сами современные русские, а к унифицированному и почти внациональному образу жизни человека эпохи массового «шопинга», присущая им пассионарность улетучится, а религиозные обычаи превратятся в ритуал, о котором вспоминают от случая к случаю, по большим праздникам. Именно поэтому «антизападные фобии» в сегодняшней России далеко не во всём следует интерпретировать буквально. По своей социально-культурной составляющей Россия является сегодня страной индивидуализированной и во многом вестернизированной. «Восток» с его культом «коллектива», подавлением личности, патриархальной семьёй, в отличие от «Запада», и культурно, и социально чужд современному россиянину. И, думается, никакие политические и геополитические устремления на Восток этой реальности не отменяют.

Другой вопрос, что главным отличием правовой и политической системы России было и остаётся верховенство неписанных, нигде не зафиксированных законов и договорённостей над формальным правом. Это очень важно. И сегодня это является главным социокультурным барьером, преграждающим путь страны в сторону мировой цивилизации. Уже приходилось отмечать, что наша политическая система так и осталась фактической квази-монархией, очень своеобразной, при которой должность монарха, «отца нации» передаётся по очень сложной, нигде не прописанной процедуре внутриэлитного торга, а республиканский строй с выборами, парламентами, разделением властей является если не во всём, то во многом некоторой бутафорией. Фактическими монархами становились и генсеки, и всенародно выбранный первый президент «свободной России», и его политические наследники. Значит, это не столько злая воля или неумеренное властолюбие наших правителей, сколько объективное требование системы. Впрочем, и здесь можно предположить, что дело тут не только

и не столько в Востоке как таковом, сколько в самой конструкции чрезвычайно сложно устроенной и ассиметричной территориальной империи, которая просто не может управляться на основе общих и прозрачных правил, предусмотренных нормами современной западной демократии. Не случаен в этой связи настрой определённой части российских националистов, выступающих за демократическое национальное государство по образцу европейских стран. Их называют «кляйн-националистами», которые в отличие от «гросс-националистов» стремятся не увеличить территорию государства, а уменьшить, сведя до коренных русских областей. В чём-то они правы: в той стране, которой сегодня является Российская Федерация, западной демократии в обозримом будущем не будет.

Важный разговор о ценностях и особенностях русской и европейской политической культуры поднимает российский исследователь И. Василенко. По её мнению, «споры о цивилизационной идентичности российской политической культуры продолжаются уже не одно столетие, и сегодня они не менее жаркие, чем во времена западников и славянофилов. И какие бы социокультурные проблемы мы ни затронули: о ценностных ориентациях россиян, о новых гранях российской социокультурной идентичности, о национальной идее и национальной идеологии, до сих пор не достигнут консенсус по поводу их решения» [Василенко, 2014]. Как язвительно заметил А. И. Миллер, российская политическая культура не предполагает плодотворную дискуссию, «но понимает производителей интеллектуального продукта как враждебные друг другу группировки, борющиеся за умы массы, потребляющей этот продукт» [Миллер, 2007]. Действительно, в России нет консенсуса по широкому кругу базовых тем, но это отнюдь не является специфической особенностью нашей политической культуры, как полагает А. И. Миллер. Напротив, сегодня сложно назвать какую-либо страну, где такой консенсус по поводу базовых проблем был бы достигнут. Переходные политические и экономические процессы чреватые стратегической нестабильностью во всех сферах общественной жизни, в т. ч. и интеллектуальной. В России же на протяжении двух последних десятилетий происходили достаточно резкие колебания общественно-политических настроений, наблюдались инверсии в ценностных ориентациях россиян, взлёты и падения политической активности, перемены политического курса. Неудивительно, что все эти сложные бифуркационные процессы по-разному оцениваются политологами: прошло ещё слишком мало времени, политические страсти ещё не улеглись, чтобы сложился долгожданный консенсус по поводу базовых ценностей.

Следует немного сказать и о перспективах «русского мира», какими они видятся в свете бурных событий 2014 г. на Украине и вокруг Украины. Сторонники объединения «русского мира» под эгидой РФ и обосновывающие активность России на «новороссийском» направлении именно этим устремлением, упускают, на наш взгляд, из вида некоторые существенные обстоятельства и тенденции. В середине позапрошлого, XIX века много литературных копий было сломано вокруг идеи объединения славянства в единое государство под эгидой Российской

империи, собирательницы земель и народов. Можно вспомнить хотя бы известные труды Н. Данилевского, наиболее крупного теоретика славянофильства. Лишь, наверное, один К. Леонтьев, из числа мыслителей, во многом близких почвенническим идеям, ещё в начале 1870-х годов, споря с Н. Данилевским, высказал мысль о несовместимости уклада жизни и менталитета русских, южных славян, болгар, а также западных славян, чехов [Леонтьев, 1875]. Идеи славянофилов так и остались красивой утопией. Сегодня они оживают под знаменем идеи объединения русских, русского мира. Но существует ли этот мир в действительности, пройдя через горнила и катаклизмы века XX-го? Каковы основные тенденции, определяющие его будущее?

Культурологический анализ российской части «русского мира» позволяет высказать предположение о том, что он несёт в себе гораздо больше отпечатков от событий XX века, в особенности его первой половины, чем это можно было бы предположить. Именно в этот период российский социум стал своего рода «плавающим котлом», перемешавшим этносы и сословия. Огромные массы людей оказались оторванными от своих корней, бывшие крестьяне устремились в города, значительная часть населения погибла в ходе революций, войн и государственного террора, произошёл социокультурный разрыв с жизнью предшествовавших поколений. В этот период сформировалась российская протонация, окончательно оформившаяся в ходе Великой отечественной войны и в самые первые послевоенные годы. Её ценности представляют собой синтез традиционных российских и советских ценностей и идеологий, для них характерны консерватизм, патернализм, антизападничество, тяга к сильному государству, стоящему над индивидом. Это своего рода «Россия-1», выражаясь языком А. Дугина. Сегодня «Россия-1» трансформировалась в то самое «консервативное большинство», о котором шла речь выше. Оно не столь цельно и монолитно, как это можно представить себе из результатов массовых опросов, от него постоянно «оттаивают» и отходят группы, этносы и регионы, в основном находящиеся на периферии «России-1», эти группы в их наиболее последовательном виде скорее обращены на Запад, к западной системе жизненных и политических ценностей, обществу массового потребления, ограничению роли государства, политической демократии, самоценности индивида и его частной жизни, неготовности к жертвам и ограничениям. Параллельно «России-1» формируется «Россия-2», новорусская нация, отличающаяся собственным архетипическим кодом, социокультурными и социальными характеристиками. Появление «России-2» вызвано теми социокультурными трансформациями, которые произошли в России и её ближайшем окружении уже во второй

половине XX века – ценностной революцией 60-х, распадом СССР и формированием постсоветского среднего класса, сменой поколений. Граница между «Россией-1» и «Россией-2» находится в постоянном движении, во времена политических «оттепелей» значительная часть общественной «серёдки» по многим параметрам переходит в «Россию-2», а во времена «заморозков» – снова начинает примыкать к «России-1». В спокойные, стабильные периоды обе России относительно мирно сосуществуют в рамках найденного баланса сил и интересов, во времена политической напряжённости – между ними вспыхивают боевые действия, в основном на идеологических фронтах, и тогда появляются такие ярлыки как «красно-коричневые» или «пятая колонна» и оживает угроза гражданской войны. Фактически налицо раскол старого «русского мира» на два субэтноса, склеить который оказывается во многом не проще чем во времена Константина Леонтьева – Российской империю, чехов и болгар. А идеологи единства «русского мира», в основном примыкающие к «России-1», стремятся сегодня объединить русский мир именно на своём поле, подавив противостоящие им субэтнические группы из «России-2». Во многом точно то же самое, только с обратным знаком, мы наблюдали в первой половине 1990-х, когда политически победившая в то время «Россия-2» пыталась организовать силовое подавление «России-1».

Посмотрим через призму этих процессов на события в Украине. В первые десять с небольшим лет существования независимого украинского государства можно было видеть отчётливый раскол на правобережный «Запад» и левобережный «Восток», по-разному голосовавших на выборах, по-разному видящих собственную историю и имеющих очевидно различные идентичности. Идею повестку дня «Запада» задавали три западные области Украины, т. н. «Галичина», сохранившие скорее восточно-европейскую идентичность, а «Востока» – населённые этническими русскими восточные и южные области с их не столько исторически русской, сколько скорее советской идентичностью. Собственно «Украина» или «Малороссия» – центральные области Украины от Чернигова на севере, Полтавы на Востоке, Житомира на Западе и Винницы на Юге – во многом двигались в русле политических идей, шедших из «Галичины». Однако после «майдана» 2004 г. эта картина стала усложняться и обрастать новыми деталями. Как показали результаты выборов 2014 г., «Галичина» скорее утрачивает идейно-политическую инициативу в процессе построения украинской национальной государственности. Представляющие этот регион политические партии и их лидеры не пользуются поддержкой за пределами «Галичины», с её даже не столько украинской, сколько ещё австрийской идентичностью, с её культом С. Бандеры и других «героев» сопротивления советскому режиму. Последние по времени усилия во времена президентства В. Ющенко формировать украинскую государственность вокруг подобных ценностей зашли в тупик. В политической изоляции, перешедшей в гражданские военные действия против современной «послемайдановской» украинской государственности оказались те русские регионы РФ, которые сохранили идентичность, близкую к «России-1» – Крым и Донецк с Луганском.

Следует вспомнить, что когда говорят о «русском Крыме», часто упускают из вида то, что большая часть русских, проживающих в Крыму, являются не коренными крымчанами во многих поколениях, а потомками тех, кто поселился в Крыму после событий 1944–46 гг. – переселенцев из центральных областей РФ, до которых доля русских в Крымской автономной республике была ниже 50%. Осю же нынешней украинской государственности всё в большей степени становится вновь образовавшийся союз Центральной Украины и той (большей) части русскоязычной Украины, которая всё активнее принимает черты «России-2» (Днепропетровск, Запорожье, Одесса, Харьков и т. д.). Именно населению этих регионов принадлежит решающая роль в блокировании экспансии «России-1» на их территорию. Именно с территории этих регионов воевать на Восток Украины едут отряды добровольцев. Выдвиженцами именно этих регионов являются нынешние президент и премьер Украины. Трагические события 2 мая в Одессе по сути перечеркнули планы архитекторов большой «Новороссии» от Донецка до Тирасполя. А вот об участии в отражении угроз со стороны донецкого ополчения Полтавы или Житомира слышно куда как меньше. Похоже, что в сформированной оси «Россия-2» + «Малороссия» последняя пока играет вторым номером. По иронии судьбы, нынешняя украинская государственность стала формироваться именно как «Новороссия», противостоящая «Старороссии» (России-1). Основная линия раскола прошла не между русскими и украинцами, а между старороссами из «России-1» и новороссами из «России-2».

Надо сказать, что причиной, правда, далеко не единственной, по которой произошла подобная переориентация большей части русского населения Украины, стала политика самой Российской Федерации. Нарушение внутривнутриполитического баланса между новороссами и старороссами в РФ в пользу последних, привело к консолидации колеблющейся части россиян внутри самой России вокруг идей «России-1», а вне России – к консолидации вокруг идей «России-2». Если вы – на Восток, в Азию, то мы – на Запад, в Европу. Самое удивительное и печальное тут то, что все эти, в общем-то, очевидные процессы оказались совершенно неожиданными и непонятными и для российских властей, и для огромной массы аналитиков и идеологов, продолжающих уповать на «перспективы возрождения и объединения русского мира» после «взятия» Крыма и начала гражданской войны в Донбассе. «Русский мир» всё же существует, но только как культурное и языковое явление. Политически и идеологически он глубоко расколот. Даже Церковь, позволяющая втянуть себя в политическое и идеологическое противостояние (вспомним хотя бы «антилиберальный молебен» весной

2012 г. да и многое другое), начинает восприниматься как орудие войны со всеми вытекающими последствиями. 2014 год ясно показал, как тонка грань, которая отделяет «худой мир» от настоящей войны, как легко переходит в гражданскую войну противостояние разных цивилизационных миров, невзирая на общую этничность и длительный исторический путь, проделанный вместе.

Список литературы

Бызов Л. Г. Контуры новорусской трансформации. М., Изд-во РОССПЭН, 2013. — 390 с.

Бызов Л. Г. Новое консервативное большинство как социально-политический феномен // Мир России. 2014. № 4. С. 6–34.

Бызов Л. Г. Социокультурная трансформация российского общества и формирование неоконсервативной идентичности // Мир России. 2002. № 1. С. 117–152.

Василенко И. Российская политическая культура и европейские политические ценности: актуальные интерпретации [Электронный ресурс] // Перспективы URL: http://www.perspectivy.info/misl/cenn/rossijskaja_politicheskaja_kultura_i_jevropejskije_politicheskije_cennosti_aktualnyje_interpretacii_2014-05-26.htm (дата обращения: 24.02.2015).

Гудков Л. В России объяснили причины популярности «путинского режима» [Электронный ресурс] УНИАН Информационное агентство URL: <http://www.unian.net/politics/925387-v-rossii-obyvasnili-prichinyi-populyarnosti-putinskogo-rejima.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Делюкина Я. Это не консерватизм! Это невротическая реакция [Электронный ресурс] // Slon.ru URL: <http://slon.ru/calendar/event/1062505/> (дата обращения: 24.02.2015).

Задорин И., Коноваленко Д. Внешнеполитические ориентиры россиян: чувствительность и устойчивость к информационному воздействию [Электронный ресурс] // Циркон. Исследовательская группа URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c86/Vneshnepoliticheskie_orientacii_rossijan.pdf (дата обращения: 24.02.2015).

Клеров М. Мы уже потерпели серьёзное историческое поражение на Украине. Интервью журналу «Профиль» [Электронный ресурс] // Информационное агентство REX URL: <http://www.iarex.ru/interviews/49806.html> (дата обращения: 24.02.2015).

Леонтьев К. Н. Византизм и славянство // Восток, Россия и Славянство. М., 1996. С. 94–155.

Миллер А. И. Нация как рамка политической жизни // Pro et Contra, 2007. № 3. С. 6–20.

Мозжухин А. Сейчас Россия живет в эпоху безвременья [Электронный ресурс]. Русская планета URL: <http://rusplt.ru/policy/seychas-rossiya-jivet-v-epohu-bezvremeny-a-14055.html> (дата обращения: 23.02.2015).

Морозов А. Дрейф в Евразию [Электронный ресурс] // Русский журнал URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Drejf-v-Evraziyu> (дата обращения: 23.02.2015).

Муравьев А. Гренада моя [Электронный ресурс] // Полит.ру 8 сентября 2014 г. URL: <http://polit.ru/article/2014/09/08/grenada/> (дата обращения: 23.02.2015).

Петухов В. В. Консерваторов в России мало, а те, что есть – советские люди [Электронный ресурс] // Толкователь. Толкучка мыслей, фактов и суждений URL: <http://tfolk.ru/?p=21206> (дата обращения: 23.02.2015).

Послание президента Федеральному собранию: Путин противопоставил российский консерватизм западному хаосу [Электронный ресурс] // Piter.tv URL: http://piter.tv/event/Putin_protivopostavil_rossijskij_konservatizm_zapadnomu_haosu/ (дата обращения: 24.02.2015).

Ремизов М. Жертва крымской кампании [Электронный ресурс] // Известия, 14 марта 2014 г. URL: <http://izvestia.ru/news/567486> (дата обращения: 24.02.2015).

Рогов К. Правда ли, что 83% россиян поддерживают Путина? [Электронный ресурс]. Forbes URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo> (дата обращения: 23.02.2015).

The Ukrainian Crisis in the Context of Major Socio-Political and Socio-Cultural Process that Shape the Mass Consciousness of Russians

Byzov Leontiy Georgievich

Candidate of Economic Science, Leading Researcher of Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences. Krzhizhanovskogo str., 24/35, build 5, 117218, Moscow, Russian Federation. E-mail: Leontiy13@mail.ru

Abstract. The paper is based on the research by RAS Institute of sociology, October-November 2014. It attempts to analyze the state of the popular consciousness of Russian population that was formed in 2014, with the Crimean and Ukrainian events, unofficially dubbed “The Crimean Anomaly”. As shown in the paper, the popular consciousness had experienced an actualization of the archetypal consciousness level that represents the “proper” place of Russia in the world and the relationship between the government and the people. The majority of Russian people consolidated around governmental actions, as happens during mobilization, yet in this case, the mobilization took place against the background of a deep value gap, global radicalization due to radical political and ideological figures, and against the background of non-mobilizable poignant, not archetypal, values and mental setups. Thus, as the author of the paper believes, The Crimean Anomaly will cause the “New Russian Agenda” to emerge.

Keywords: values, attitudes, archetypal layer of consciousness, mobilization, internal and external enemies, autostereotype, Crimean anomaly, European choice, Eurasia.

REFERENCES

- Byzov L. G. Kontury novorussoj transformacii. M., Izd-vo ROSSPJeN, 2013. — 390 s.
- Byzov L. G. Novoe konservativnoe bol'shinstvo kak social'no-politicheskij fenomen. J. Mir Rossii. 2014. № 4. S. 6–34.
- Byzov L. G. Sociokul'turnaja transformacija rossijskogo obshhestva i formirovanie neokonservativnoj identichnosti. J. Mir Rossii. 2002. № 1. S. 117–152.
- Vasilenko I. Rossijskaja politicheskaja kul'tura i evropejskie politicheskie cennosti: aktual'nye interpretacii [Elektronnyj resurs]. J. Perspektivy URL: http://www.perspectivy.info/misl/cenn/rossijskaja_politicheskaja_kultura_i_evropejskije_politicheskije_cennosti_aktualnyje_interpretacii_2014-05-26.htm (data obrashhenija: 24.02.2015).
- Gudkov L. V Rossii ob#jasnili prichiny populjarnosti «putinskogo rezhima» [Elektronnyj resurs]. J. UNIAN Informacionnoe agentstvo URL: <http://www.unian.net/politics/925387-v-rossii-obyasnili-prichinyi-populyarnosti-putinskogo-rezhima.html> (data obrashhenija: 24.02.2015).
- Deljukina Ja. Jeto ne konservatizm! Jeto nevroticheskaja reakcija [Elektronnyj resurs]. J. Slon.ru URL: <http://slon.ru/calendar/event/1062505/> (data obrashhenija: 24.02.2015).
- Zadorin I., Konovalenko D. Vneshnepoliticheskie orientiry rossijan: chuvstvitel'nost' i ustojchivost' k informacionnomu vozdejstvu [Elektronnyj resurs]. J. Cirkon. Issledovatel'skaja grupa URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/c86/Vneshnepoliticheskie_orientacii_rossijan.pdf (data obrashhenija: 24.02.2015).
- Klerov M. My uzhe poterpeli ser'joznoe istoricheskoe porazhenie na Ukraine. Interv'ju zhurnalu «Profil'» [Elektronnyj resurs]. J. Informacionnoe agentstvo REX URL: <http://www.iarex.ru/interviews/49806.html> (data obrashhenija: 24.02.2015).
- Leont'ev K. N. Vizantizm i slavjanstvo // Vostok, Rossija i Slavjanstvo. M., 1996. S. 94–155.
- Miller A. I. Nacija kak ramka politicheskoi zhizni. J. Pro et Contra, 2007. № 3. S. 6–20.
- Mozzhuhin A. Sejchas Rossija zhivet v jepohu bezvremen'ja [Elektronnyj resurs]. Russkaja planeta URL: <http://rusplt.ru/policy/seychas-rossiya-jivet-v-epohu-bezvremenyja-14055.html> (data obrashhenija: 23.02.2015).
- Morozov A. Drefj v Evraziju [Elektronnyj resurs]. J. Russkij zhurnal URL: <http://www.russ.ru/layout/set/print/Mirovaya-povestka/Drefj-v-Evraziju> (data obrashhenija: 23.02.2015).
- Murav'jov A. Grenada moja [Elektronnyj resurs]. J. Polit.ru 8 sentjabrja 2014 g. URL: <http://polit.ru/article/2014/09/08/grenada/> (data obrashhenija: 23.02.2015).
- Petuhov V. V. Konservatorov v Rossii malo, a te, chto est' — sovetskie ljudi [Elektronnyj resurs]. J. Tolkovatel'. Tolkuchka myslej, faktov i suzhenij URL: <http://tfolk.ru/?p=21206> (data obrashhenija: 23.02.2015).
- Poslanie prezidenta Federal'nomu sobraniju: Putin protivopostavil rossijskij konservatizm zapadnomu haosu [Elektronnyj resurs]. J. Piter.tv URL: http://piter.tv/event/Putin_protivopostavil_rossijskij_konservatizm_zapadnomu_haosu/ (data obrashhenija: 24.02.2015).
- Remizov M. Zhertva krymskoj kampanii [Elektronnyj resurs]. J. Izvestija, 14 marta 2014 g. URL: <http://izvestia.ru/news/567486> (data obrashhenija: 24.02.2015).
- Rogov K. Pravda li, chto 83% rossijan podderzhivajut Putina? [Elektronnyj resurs]. J. Forbes URL: <http://www.forbes.ru/mneniya-column/vertikal/267487-kak-ukrainskii-konflikt-povliyal-na-putinskoe-bolshinstvo> (data obrashhenija: 23.02.2015).